

К. А. БАРШТ

**О ВЫПИСКАХ ИЗ «СКАЗАНИЯ О СТРАНСТВИИ
И ПУТЕШЕСТВИИ...» ИНОКА ПАРФЕНИЯ
В «ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

Издание книги инока Парфения (в миру Петра Агеева)¹ стало заметным явлением в русской общественной и литературной жизни середины XIX в., ее выход из печати сопровождался множеством положительных или даже восхищенных откликов (Ап. А. Григорьев,² М. П. Погодин,³ И. С. Тургенев,⁴ С. М. Со-

¹ Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя горы Афонския инока Парфения. Изд. 2-е. Ч. 1—4. М., 1856. Схиигумен Парфений (в миру Петр Андреевич Агеев (Аггеев); 14.11.1806, Яссы — 17.05.1878, Троице-Сергиева Лавра), согласно «Списку о настоятеле Николаевской Берлюковской пустыни иеромонахе Парфении», «сын Андреев» (ЦИАМ. Ф. 709. Оп. 1. Ед. хр. 125). Цитаты из книги Парфения даются по указанному выше изданию, первая цифра обозначает том, вторая — страницу.

² В статье «О правде и искренности в искусстве» Григорьев подчеркнул присущую языку Парфения «меткость выражения в отношении к явлениям внутренней жизни» (Григорьев Ап. Эстетика и критика. М., 1980. С. 112).

³ М. П. Погодин называл книгу Парфения «украшением народной русской словесности (не говоря о великой ее многообразной пользе)» («Москвитянин», 1855. № 23/24).

⁴ И. С. Тургенев: «это великая книга, о которой можно и должно написать хорошую статью (...). Парфений — великий русский художник и русская душа» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. 3. С. 341).

ловьев,⁵ А. В. Дружинин⁶ и др.). М. Е. Салтыков-Щедрин считал, что в этой книге «русский человек, с его прошедшим и настоящим <...> сделался исключительным предметом изучения со стороны литераторов и ученых. Всякий стремится посильною разработкою явлений русской жизни уяснить для себя загадочный образ русского народа».⁷ В своей обширной статье о «Сказании», говоря о том, «до какой восхищающей высоты может доходить красота в этой безыскусственной чистоте изображения», Н. П. Гиляров-Платонов сделал несколько больших выписок из книги Парфения, намереваясь познакомить читателя с той «задушевной искренностью», с которой представлена в книге «духовная жизнь» человека.⁸ «Не переставал удивляться его слогу» Н. Г. Чернышевский, находя, что автор пишет поразительно «безыскусственно», и призывая читателя непременно прочесть ее, чтобы получить более «точное понятие об оригинальности ее наивного изложения».⁹

Известно, что книга Парфения находилась в библиотеке Достоевского, и он возил ее с собой во время путешествия за границу в 1867—1871 гг.¹⁰ «Сказание» Парфения было для писателя на-

⁵ «...Можем уверить автора, что беспристрастие и простота, составляющие отличительное свойство его рассказа, делают книгу его вполне вместительною» (Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле постриженника святыя горы Афонския, инока Парфения. В четырех частях // Русский вестник. 1856. Т. III. № 5 (май), кн. 1. Современная летопись. С. 28).

⁶ «Или я жестоко ошибаюсь, или на Руси мы еще не видали такого высокого таланта со времен Гоголя (хоть и род, и направление, и язык совершенно несходны). <...> Если б Гоголь во второй части „Мертвых душ“ вместо Муразова и героев в таком роде изобразил подобное лицо, мы все, несмотря на наши понятия, упали бы пред ним на колени» (Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847—1861. М.; Л., 1930. С. 215—218).

⁷ Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 1966. Т. 5. С. 33.

⁸ Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле постриженника святыя горы Афонския, инока Парфения. В четырех частях. Москва, 1855 // Русская беседа. 1856. Кн. 3. Отд. Критика. С. 12.

⁹ Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле постриженника святыя горы Афонския, инока Парфения. В четырех частях. Части 1 и 2. Москва, 1855 // Современник. 1855. № 10. Отд. Библиография. С. 77.

¹⁰ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями / Полн. собр.

стольной книгой,¹¹ образцом того «наивного повествования» которое на протяжении всей жизни, начиная со времени работы над романом «Бедные люди», составляло для него идеал литературного стиля. Как и другие русские писатели второй половины XIX в., Достоевский осознанно учился у Парфения силе и искренности в выражении тончайших движений душевной жизни человека. В период работы над романом «Братья Карамазовы» он указывал, что стиль «Писаний» отца Зосимы взят им «из книги странствий инока Парфения».¹² Отмечала значение этой книги в творчестве писателя его жена Анна Григорьевна,¹³ на большое значение этой книги в творческой жизни Достоевского указывал Л. П. Гроссман,¹⁴ в Полном собрании сочинений Достоевского указан ряд прямых и скрытых аллюзий на книгу Парфения;¹⁵ содержательным

соч. Ф. М. Достоевского. Т. I. СПб., 1883. С. 298; *Достоевская А. Г. Воспоминания*. М., 1971. С. 272.

¹¹ Достоевский перечитывал «Сказание...» в 1870-е гг. Отправляясь в Старую Руссу, он пометил в тетради необходимость взять с собой «Странствование Парфения» (*Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 259*; далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома (при необходимости книги) и страницы).

¹² В письмах к издателю Н. А. Любимову от 7 (19) августа и 16 сентября 1879 г. (30₁, 102, 126).

¹³ *Достоевская А. Г. Воспоминания*. М., 1971. С. 272.

¹⁴ *Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому: Материалы, библиография и комментарии*. М.; Пг., 1922. С. 66.

¹⁵ Наличие выписок из книги Парфения отмечено в комментариях к «Подростку» в Полном собрании сочинений Достоевского: «Утешение в скорбях, обретших мя зело», «Была у них любовь нелицемерная и как единая душа в двух телесах»; «И пошли мы поработать Господу своему» (17, 137—138); здесь указано, что Достоевский использовал эти выписки в формировании речевой характеристики Макара Долгорукого (17, 410—411). Реминисценции из книги Парфения встречаются также в романе «Братья Карамазовы» (15, 571): об обычае на Афоне откапывать кости умерших через три года после смерти», оценивая их цвет (15, 300; П. 2, 189—190), парафраз из «Сказания» Парфения: «Они там под туркой сидят и всё перезабыли. У них и православие давно замутилось, да и колоколов у них нет» (15, 300): «Воистину (...) церковь (...) в неволе турецкой пребывает и тяжкое несет иго (...) храмы не имеют ни крестов, ни куполов, ни звона, ни вида, ни доброты...» (П. 3, 44). См. также: 15, 528; П. 2, 120; среди записей к «Дневнику писателя» 1881 г.: 27, 55; в комментариях к письмам Достоевского: 29₂, 352; 30₁, 316.

описанием сущности и форм влияния книги Парфения на творчество Достоевского является работа И. Д. Якубович.¹⁶

Писатель, видимо, познакомился с этой книгой вскоре после ее выхода в свет, во всяком случае, знал о ее существовании к 1861 г., упомянув ее в своей статье «Книжность и грамотность» (19, 43). Последнее замечание Достоевского о Парфении содержится среди его записей конца 1880 г., в подготовительных материалах к выпуску «Дневника писателя»: «Не от омерзения удалялись святые от мира, а для нравственного совершенствования. Да, древние иноки жили почти на площади. Инока Парфения» (27, 55). А. Г. Достоевская свидетельствует о том, что писатель перечитывал книгу зимой 1874 г., в период работы над романом «Подросток».¹⁷ Можно с уверенностью утверждать, что особое внимание писателя привлекла первая часть «Сказания» Парфения. Речь идет не только об аллюзиях и реминисценциях, рассыпанных по произведениям писателя 1870-х гг. Перечитывая книгу Парфения, Достоевский изготовил для себя нечто вроде конспекта, в жанровом отношении напоминающего его «Сибирскую тетрадь», с той разницей, что предметом цитирования стал не фольклор, но четырехтомное «Сказание». Об этом свидетельствуют записи, сделанные писателем в его записной тетради 1874 г. Три с небольшим десятка словосочетаний и обрывков фраз, составляющих «конспект», обозначают события и ситуации, которые, видимо, были важны для Достоевского в процессе работы над образом Макара Ивановича Долгорукого в романе «Подросток» (илл. 1, 2).¹⁸ Эти записи характеризуются несколькими особенностями: составляют определенное текстовое единство, занимающее около двух страниц тетради, каждая из них начинается с красной строки, горизонтальная черта подчеркивает начальную границу этих записей, и все они подряд в виде парафразов или прямых цитат воспроизводят фразы из книги Парфения.¹⁹

¹⁶ Якубович И. Д. К характеристике стилизации в «Подростке» // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1978. Т. 3. С. 136—143.

¹⁷ Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 272.

¹⁸ Эти страницы «тетради» Достоевского были заполнены осенью 1874 г., Достоевский находился в это время в Старой Руссе, куда он вернулся из Эмса в конце июля того же года (16, 138—139).

¹⁹ Заметки, планы, наброски. «Записная тетрадь» 1874 г. 8 (20) сентября — декабрь 1874 г. (16, 138). РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 137—138.

Попробуем воспроизвести записи этого «конспекта», приводя далее соответствующие цитаты из книги Парфения по изданию, которым обладал Достоевский (СПб., 1856).

«И пошли мы поработать Господу своему» (16, 138): «Старец Силуан сказал: «Как это возможно, чтобы я оставил погибнуть своего возлюбленного брата и друга, с которым мы жили и советовались еще в мире, и вместе оставили суетный мир, со всеми его прелестями и соблазнами, дома и родителей своих и всех сродников, и пошли поработать Господу своему...» (П. 1, 78—79).²⁰

«А говорит такую небылицу, что и слушать нечего» (16, 138): «Потом Силуан возвратился к нам и рассказал, что говорил с Исихием. Вскороости пришел и Исихий, и спросил нас: „а что у вас сделалось с Силуаном? давно ли помешался рассудком? говорит такую небылицу, что и слушать нечего“. Мы ответили, что Силуан в полном разуме, и ничего с ним не случилось» (П. 1, 80).

«А из книг выбрал одни лишь цветочки, да и то по своему мнению» (16, 138): «В Молдавии между раскольниками эта вещь дивная и неслыханная. ⟨...⟩ довольствуются только выбранными из книг цветочками, которые избрал каждый по своему мнению; утверждают более на человеческом предании и на своих кривых толках» (П. 1, 81).

«А и сами не знают, куда бредут» (16, 138): «Они все до единого заблудились, и идут сами не зная куда, и переходят из раскола в раскол и из толка в толк, с часу на час от Церкви далее; и не найдешь у них ничего доброго, кроме одной гибели. ⟨...⟩ И нашли каждый себе кривую дорогу и пошли по ним, да доньине блуждают, да еще и прочих с собою влекут в погибель, как слепцы слепцов ведут, а и сами не знают, куда бредут» (П. 1, 83—84).

«Ибо открыта (ей, ему, нам) тайна, превосходящая ум человеческий» (16, 138): «О, благословен есть вечер сей, в который хочу вам открыть тайну, превосходящую ум человеческий. Хочу показать вам прямой и незаблудный путь в царство небесное, в наше небесное отечество» (П. 1, 89).

«И обзаться браком не захотел. (Жены пояти.)» (16, 138): «...с самых малых лет возлюбил Господа Бога моего, с самой юности посвятил себя Ему на служение, не захотел обзаться браком, не пожелал пояти жены, отверг все мирское попечение, предал себя

²⁰ См. также: П. 1, 241, 260, 290; П. 2, 19—20, 232; П. 3, 159; П. 4, 235.

во учение на много лет, учился у многих учителей, и изучил весь Закон и пророков» (П. 1. 89—90).

«В поправление всем людям предал нас» (16, 138): «чем мы так прогневали Господа Бога, и за что Он на нас тако прогневался, и безо всякой милости нас наказал? Ибо изгнал нас из святого Своего града Иерусалима, и рассеял нас по лицу всея земли в поправление всем языкам, и разорил до основания наш Божественный храм со Святое-Святых, и упразднись наше жертвоприношение...» (П. 1, 90). Следует отметить, что слово «предал» в книге Парфения не обладает отрицательной коннотацией и означает «передал» или «воспроизвел», например: «...отверг все мирское попечение, предал себя во учение на много лет, учился у многих учителей» (П. 1, 90).

«Чуждому (скверному) не сообщаемся» (16, 138): «Кажется, мы закон Моисеев содержим в самой строгости, предания отцов исполняем, идолам не поклоняемся, и чуждым верам не сообщаемся: но только все то исполняем, что нам сам Бог приказал и Пророки научили. За что же нас Царь Небесный так без милости наказал, и какая тому есть причина?» (П. 1, 90)

«А без Бога жить — одна лишь мука» (16, 138): «Ибо когда мы находимся под гневом Божиим и в отлучении от Бога, то мы живем только на одно мучение: и я нашел, что без Бога жить — одна мука...» (П. 1, 91).

«Избави нас от работы диавольския» (16, 138): «Воистину самый Мессия и есть Иисус Христос, посланный от Бога искупить и освободить род человеческий Своею кровью от работы диавольския...» (П. 1, 92—93).

«Зависти ради» (16, 138): «О сем Иисусе предвозвестили все Пророки (...). И хотя отцы ваши зависти ради и распяли Его, но зато до конца прогневали они Господа Бога...» (П. 1, 93).²¹

«И столько возлюбил Господа Иисуса Христа, что и на малое время не хотел с Ним разлучиться мыслию» (16, 138): «Когда окрестились, пожелали все в монашество; сам раввин постригся в великую схиму, и жил в безмолвии, и упражнялся в умной молит-

²¹ См. также: «...враг наустил и вооружил на Него уже не царей земных и не простой народ, но тех, которые служили в земном Божьем храме, приносили Богу о людях жертвы, и казались правдивыми и святыми... (...)» которые по зависти много Господа Иисуса хулили и укоряли, гнали и поносили» (П. 1, 146). Далее в том же смысле: П. 3, 31.

ве, совершаемой без слов в сердце. И столько возлюбил Господа Иисуса Христа, что и на малое время не хотел с Ним разлучиться мыслию» (П. 1, 94).

«И получил дар прозорливства» (16, 138): «...и за то получил от Господа Бога дар прозорливства, и желание имел и кровь свою излиять за Христа Господа своего» (П. 1, 94).²²

«И тоже людям они не помогут, ибо все погибли, и только каждый хвалит свою гибель, а обратиться к Истине и не помыслит» (16, 138): «...все заблудились, и пошли в разные стороны, и нашли каждый себе кривую дорогу, ведущую еще далее в заблуждение, и все бредем, и сами не знаем куда, еще и прочих с собою увлекаем, как слепец слепца ведет, и оба в яму впадут: так и мы разбились между собой на разные секты, и только каждый хвалит свою гибель, а обратиться ко Св. Восточной Христовой Церкви никто не думает и не помышляет» (П. 1, 111—112).

«И опасно соблюдая юность свою» (16, 138): здесь контаминация метафорического употребления наречия «опасно» в значении «опасливо» (робко, осторожно) и указания на возможные увлечения и порывы, свойственные молодому человеку; Достоевский объединяет в одно целое эти два элемента поэтической структуры «Сказания»: «...они, опасно соблюдая православную веру, ненавидят всех еретиков» (П. 1, 117), «...как укротить необузданную свою юность, как мне прожить опасные молодые лета, как мне переплывать страшное и многоволнистое житейское море...» (П. 1, 4).²³

«Чем освящаемся, то же и проклинаям и сами того не ведаем» (16, 138): «Ох! увы, увы, наше раскольническое невежество и безумие! Сами себя ругаем, и того не понимаем, что чем освящаемся, то же и проклинаям» (П. 1, 129).

«Не боги же они, а такие же, как мы, подобострастные нам человеки» (16, 138): «Родные наши сказали нам: „люди говорят про вас, что вы погибли и заблудились“. Мы же к ним начали гово-

²² «...Из болгар был один духовник, иеросхимонах отец Григорий <...> имел дар прозорливства такой, что ежели кто у него исповедовался, то он не спрашивал, а сам, яже от юности содеянная всякого человека сказывал, и своими слезами грехи исповодниковы омывал, и легкие епитимии налагал, и впредь идущая предсказывал» (П. 2, 120); см. также: П. 4, 148.

²³ Ср.: «...ибо здесь жить весьма опасно: был я в самых молодых летах, а соблазны вокруг мена; и боялся, дабы не погубить свою душу греховною нечистотою» (П. 1, 14).

рить: „Это говорят люди, но люди заблуждшие и мирские, и подобо-страстные нам человеки“...» (П. 1, 132—133).

«Да скорби мои и странствие мое (ваше) Господь не оставит без воздаяния (молим его т. е.)» (16, 138): «Господь Бог всех нас утешит в будущем бесконечном веке, и ваши скорби не оставит без воздаяния. А чтобы не остались наши скорби и наше странствие без воздаяния, и чтобы не лишиться нам обоих утешений... <...> хотим оставить раскол и прежнее свое заблуждение...» (П. 1, 135).

«Он (т. е. современный человек высших классов) как блудный сын, расточивший отеческое богатство. (Двугривенный действительно получили, но сто рублей за него своих заплатили.) Вернется (к народу), и заколют и для него тельца упитанного» (16, 138—139): «Первое: показал Господь нам милосердие и пример человеколюбия на блудном сыне, расточившем отеческое богатство; ибо, когда он раскаялся и возвратился к отцу своему, отец его встретил, принял его в свое объятие, и заклал для него тельца упитанного (Лук. 15)» (П. 1, 135—136).

«Люди мирские обязаны семействами и мирскими суетами» (16, 139): «...родные наши начали нам говорить: „Хорошо вам, что вы люди свободные, и мирскими суетами не обязаны, от юности оставили мир, и ни о чем житейском попечения не имеете. Вы могли такую глубину исследовать; и куда вздумали, туда и поехали; ибо вам везде своя сторона. А мы люди мирские, обязаны семействами и мирскими суетами: как нам возможно исследовать такую глубину?“» (П. 1, 166).²⁴

«И без сытости собирают (тленное) богатство» (16, 139): «...пребываете во всех страстях, живете посреди мира, упражняетесь во всех житейских суетах и попечениях, без сытости собираете тленное богатство, и валяетесь, как свиньи в кале!» (П. 1, 174).

«И живут в послушании и в совершенном отсечении своей воли (и наипаче тверды бывают) (16, 139): «А в своей новоустроенной обители положи и утверди устав совершенного общежития, по правилам и по уставу св. Отец, чтобы никто не творил своей воли...» (П. 1, 193).

²⁴ См. также: «...ибо беглые священники живут с семействами — с женами и детьми. Монахи о монашестве отнюдь никакого понятия не имеют; а только и стараются одни внешние обряды соблюсти, и беспрестанно ездят собирать милостыню» (П. 1, 8).

«И чувства свои от мирских сует успокоил» (16, 139): «В пяток вечером пошел ночевать к духовнику, отцу Арсению, и читал с ними вечерню, и правило, и утреню. <...> Он же ко всем моим язвам и болезням приложил пластырь, и уварчевал, и всем меня успокоил» (П. 2, 159).²⁵

«См. 253 стран.» (16, 139). Эта запись Достоевского указывает на страницу первой части «Сказания», в которой содержится подробная топография монастыря Вороны, а также его внутреннего устава, включая распорядок трапез (П. 1, 253). Писатель использовал детали этих описаний для строительства пространства монастыря в романе «Братья Карамазовы».

«Познай Христа. Что не сделал ничего, дабы мир был самое прекрасное и веселое и всякой радости преисполненное жилище» (16, 139): «Надобно нам о том просить Господа Бога, чтобы и нас присоединил к Святой Своей Церкви... и достигнуть в тихое и небурное пристанище, в вечную жизнь, в царство небесное, идеже несть болезнь, ни печаль ни воздыхание, но вечная и бесконечная радость, и веселие во веки веков» (П. 1, 165).

«А оставить всё сие есть не малый крест и не легкая скорбь» (16, 139): «Когда они услышали глас Господа Иисуса Христа: „Аще кто хочет по Мне чти, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и ко Мне грядет...<...> оставили все, и пошли вослед Его; оставили мир с маловременными его красотами, оставили свои дома и имение со всеми любезными своими друзьями и сродниками; а другие оставили любезных и дражайших своих родителей, которые человеку паче всего света, кроме единого Бога: их человеку оставить есть не малый крест и не легкая скорбь; но за любовь Господа своего они и их оставили...» (П. 1, 258).

«За жену свою отдает жизнь свою, а за детей своих почти каждый согласится пострадать и умереть» (16, 139): «А другие оставили своих любезнейших молодых жен с милыми своими чадами; это они уже сделали почти выше естества человеческого: ибо человек прилепляется к жене своей боле, нежели к родителям... <...> и ча-

²⁵ Ср. также: «...я пришел в святую Гору Афонскую не начальствовать, а в пустыни и безмолвии проводить жизнь свою, достигнуть того, для чего я оставил мир, то есть, победить страсти, и соединиться с Богом. И мы теперь обжились, успокоились» (П. 2, 186—187); «Тогда уже совершенно успокоилась душа моя, и возрадовался дух мой о Бозе Спасе моем, и воспевал я с Пророком Давидом: Отныне удалился от суетного мира и от его разврата в суеты, и от сильные мирские бури...» (П. 3, 65—66).

сто за жену отдает жизнь свою, и за детей своих почти каждый согласен страдать и умереть: ибо часто родители, видя чад своих страждущих, от жалости и сами умирают» (П. 1, 258—259).

«Ибо остался им должен по естеству (т. е. должен любить)» (16, 139): «...все свои труды, подвиги и молитвы они предписывают себе и совершают за вас, за своих любезных родственников, которым они остались должными по естеству» (П. 1, 260—261).

«В тихие и безмолвные пристанища» (16, 139): «...не отчаивайтесь, но дерзайте и старайтесь избавиться и выплыть из великих опасностей, и пристать к тихому и небурному пристанищу» (П. 1, 257).²⁶

«Как рыба, выброшенная на сушу, метался и тосковал» (16, 139): «Как рыба, выброшенная на сушу, метался и тосковал я, и искал, хотя капли воды прохладить свою всяких скорбей исполненную душу...» (П. 1, 276).

«А мысль сия есть нечестивая» (16, 139). В «Предисловии» к своей книге Парфений пишет: «Архипастырь понудил меня описать многолетнее мое странствие и путешествие по разным странам и государствам... <...> да не явлюся хваляся и тщеславяся своим странствием, и тем приобретая маловременную славу суетнаго мира сего, которая иссушает и бесплодными творит все человеческие добродетели... <...> подробности не описывал, да не явлюсь судьей чуждым делам: ибо есть у нас един Праведный Судия,

²⁶ Ср. также: «...как мне переплыть страшное и многоволнистое житейское море, наполненное всяких опасностей, душевных и телесных, как мне достигнуть в тихое и небурное пристанище бесстрастия, как мне приобрести совершенную любовь к Господу Богу и к ближним своим, соединиться с Богом, и наследовать царствие небесное» (П. 1, 4.); «...чтобы в нас Царь Небесный сподобился в том корабле переплыть великое, многоволнистое и страшное море многомятежного и суетного жития сего, и достигнуть в тихое и небурное пристанище, в вечную жизнь, в царство небесное, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но вечная и бесконечная радость, и веселие во веки веков. Аминь» (П. 1, 166); «...начали помышлять о возвращении в Молдавию, и отъезде, для провождения жизни своей, в св. Афонскую Гору, как в тихое и небурное пристанище, от соблазнов мира сего удаленное» (П. 1, 195—196). «Тихое небурное пристанище» как место душевного успокоения и «соединения ума с Богом» упоминается: П. 1, 258, 269, 276, 289; П. 2, 6, 26, 28, 56, 73, 80 (2 раза), 94, 112, 130, 136, 139, 148, 156, 183, 209, 227, 231, 238; П. 3, 35, 57, 58, 89, 99, 110, 113, 120, 121, 145, 155, 220; П. 4, 127, 155, 165, 191, 205, 268.

Которому открыты все наши дела и помышления; а я с Пророком скажу: „да не возглаголют уста моя дел человеческих“ (Пс. 16, К)» (П. 1. С. I—II).

Творческое кредо Парфения — бережное, трепетное отношение к письменному слову, которое само по себе есть дерзость, которую может перед Господом и людьми оправдать только реализованное в нем стремление соединить людей общей любовью к Христу. Нечестивая мысль, по Парфению, — писать о том, что не имеет отношения к поиску истины, настоящему месту человека на земле и нахождению ему его настоящего места во Вселенной; писать о чем-то ином — эта мысль представляется Парфению греховной, «нечестивой». Эту же идею воплотил в своем творчестве Достоевский.

«А ты своего дела *не сдавай* (не прекращай) через всякое малодушие» (16, 139). Это, видимо, не прямая цитата, но формулировка мысли, высказанной и многократно повторенной в книге Парфения, возможно, в свойственном творческой лаборатории Достоевского формате «обращения к себе». Парфений пишет: «Увы нам неблагодарным рабам! Какого мы имеем кроткого и благого и милостивого Владыку и Господа, а не хотим на малое время Ему послужить и поработать... <...> Где же наша любовь, если не соблюдаем заповедей Господних, и не исполняем словес Его? Почто не подражаем верным рабам Божиим, которые соблюдают Его заповеди, слушают и исполняют словеса Его, оставили всякое житейское попечение... <...> Это состоит в нашей собственной воле, ибо мы самовластны: ежели хотим, пойдем узким и прискорбным путем, за Христом вослед, вводящим в жизнь вечную; ежели хотим, то пойдем широким путем и пространым, в муку вечную, к диаволу» (П. 1, 290—291).

«Все-то невоздержанные, всякий-то хочет всю вселенную удивить. Как бы ему вселенну удивить» (16, 139). Вероятно аллюзия на описание Парфением быта старообрядческого монастыря в Молдавии: «...мне показывали не таковых, но или малограмотных, или вовсе безграмотных, которые только потому называются великими, что ни с кем не пьют, не едят, и всеми гнушаются, и всех хулят, и всех осуждают, даже своих единовверных; и всех считают грешниками, а только себя святыми; и толкуют день и ночь, а об иноческой жизни не знают, в чем она и состоит <...> общежития отнюдь не имеют, и строгих общежительных уставов и правил не соблюдают, а живут каждый по своей воле, кто как хочет: женам вход без всякого препятствия допускается, даже и по келиям; видел

и прочие соблазны, о которых нечего и поминать...» (П. 1, 4—5); «Скоро монахи дали мне одному порожнюю келью, и оставили меня жить по своей воле, как я хочу. Я весьма этому возрадовался, и начал проживать. Но только еще не успел обжиться, как начали приходить ко мне в келью монахи и бельцы, и предлагать каждый свою веру и свой кривой толк. И я рассмотрел, и нашел, что там сколько монахов и бельцов, столько же и разных кривых толков. Ежедневно в том только и упражняются: в толках, и раздорах, и в беспрестанных спорах. Все един на другого смотрят, как звери, и един другого называют еретиками, и един другим гнушаются, как поганым. И я с ними часто имел прение, потому что я утвержден был более на Св. Евангелии, и привержен ко Священству и к церковным таинствам, они же были более беспоповцы. И повседневно я много о том соболезнавал и горько плакал, где и как могу спастися. В России в наших монастырях великие соблазны, а здесь, в горах и в вертепах, одни толки и раздоры, беспрестанные споры и взаимная злоба» (П. 1, 14—15).

Далее следуют две записи, вероятно, не имеющие отношения к книге Парфения, и далее еще одна запись, представляющая собой парафраз реплики из «Сказания»:

«А еще говорил, чтоб табаку не курить, и об том много с печалью и воздыханием внушал» (16, 139): «„А в своей новоустроенной обители положи и утверди устав совершенного общежития, по правилам и по уставу св. Отец, чтобы никто не творил своей воли; винное питье и табак употреблять отнюдь ни кому не позволяй; даже, сколько возможно, удерживай и от чаю: чревоугодие — не монашеское дело“. Так меня, наставив, отец Серафим благословил в путь; это сподобился я побывать у отца Серафима в последний год его жизни» (П. 1, 193); «„И еще скажу тебе, что ни от какой страсти так не трудно человека отучать, как от привычки к табаку“. Слыша такое полезное наставление, я благодарил его, и, получивши благословение, ушел» (П. 1, 275).²⁷

²⁷ Ср. также: «Табак же употреблять всем воспрещал: а кому дважды, или трижды внушал, и тот не покидал, того уже больше к себе не принимал. Еще много плакал и соболезнавал о тех, которые не соблюдают святых постов, среды и пятка» (П. 2, 35); «Старец спросил его: „а ты что хочешь от меня получить?“ Тот со слезами ответил: „желаю, отче святой, получить от вас душеполезное наставление“. Старец спросил: „а исполнил ли ты, что я тебе прежде приказал?“ Тот ответил: „нет, отче святой, не могу того исполнить“. Старец сказал: „а зачем же ты, не исполнивши

Достоевский полагал, что книга Парфения содержит адекватное описание старцев и монастырской жизни: «Старчество, инок Парфений», — помечает он, работая над «Братьями Карамазовыми» (15, 201). Готовясь к созданию описания монастырских вечерен и стояний в «Подростке», он указывает: «взять из Парфения» (16, 150). Эти и некоторые другие записи Достоевского в его «тетрадах» и соответствующие эпизоды его произведений 1870-х годов имеют комментарий в Полном собрании сочинений писателя.²⁸ Среди неучтенных в научной литературе цитат из книги Парфения в текстах Достоевского можно назвать следующие.

Создавая описание внешнего облика Алеши в романе «Братья Карамазовы», писатель подчеркивает, что это не был «болезненный», «чахлый и испитой человек», «напротив, Алеша был в то время статный, краснощекий» девятнадцатилетний подросток (14, 24). Далее подчеркивается эта деталь: «Скажут, может быть, что красные щеки не мешают ни фанатизму, ни мистицизму; а мне так кажется, что Алеша был даже больше чем кто-нибудь реалистом» (14, 24). Инок Парфений в своем «Сказании» отмечает особенную «краснощекость» своего учителя, старца Арсения: «Отец духовник, иеросхимонах Арсений, росту высокосредняго, волосом рус <...> лицом чист и весьма сух, и всегда в лице играл румянец, а наипаче при Богослужении» (П. 2, 131). Видимо, эта деталь была важна для писателя, ранее, работая над «Подростком», он отметил:

«Ст(арец?) — все дви(жения?) болезненны.

Ноги болезненные. Красные щеки» (15, 201).

первого, пришел еще и другого просить?» Потом грозно сказал ученикам своим: „вытолкайте его вон из кельи“. И они выгнали его вон. Я и все там бывшие испугались такового строгого поступка и наказания. Но старец сам не смутился, и паки начал с кротостью беседовать с прочими, и отпускать людей. <...> Потом я спросил старца: „отче святой, за что вы так весьма строго поступили с господином?“ Он же ответил мне: „Отец афонский! я знаю, с кем как поступать: он раб Божий, и хочет спастися; но впал в одну страсть, привык к табаку. Он прежде приходил ко мне, и спрашивал меня о том; я приказал ему отстать от табаку, и дал ему заповедь более никогда не употреблять его, и пока не отстанет, не велел ему и являться ко мне. Он же, не исполнивши первой заповеди, еще и за другой пришел. Вот, любезный отец афонский, сколько трудней из человека исторгать страсти!“» (П. 1, 277—279).

²⁸ См.: 9, 507; 15, 448, 459, 469, 529, 533, 540, 548, 564, 571; 16, 150; 17, 310, 410—412; и др.

Обстановка ревниво-завистливых отношений, сложившихся между некоторыми иноками в монастыре, описанных в «Братьях Карамазовых», заставляет вспомнить описание молдавского монастыря, в который попал, в ту пору еще молодой, в возрасте Алеши Карамазова, Парфений. У Достоевского: «Алеша приглядывался, но более всего кипел идеей о славе Старца. Жил в келье у Старца, который был очень добр к нему... <...> NB. Были в монастыре и враждебные Старцу монахи, но их было немного. Молчали, затаив злобу, хотя важные лица. Один постник, другой полуяродивый. Но большинство стояло, были фанатики до того, что, предвидя близкую смерть, многие честно считали за святого, не один Алеша, ждали смерти, будет святой. (Молчаливое ожидание)» (15, 200). Раздоры и ненависть, царящие в Черноболовском и Мануиловском скитах, вплоть до намерения физической расправы со старцем, так описаны в книге инока Парфения: «Все един на другого смотрят как звери, и един другого называют еретиками, и един другим гнушаются, как поганым... <...> я много о том соболезнавал и горько плакал, где и как могу спастись. В России в наших монастырях великие соблазны, а здесь, в горах и в вертепах, одни толки и раздоры, беспрестанные споры и взаимная злоба» (П. 1, 14—15).

Еще одно сходство в жизненном пути Алеши и молодого Парфения: оба мечтают быть в монастыре, но их наставники-старцы благословляют их уйти в мир, считая, что именно так они могут лучше послужить делу христианского просвещения в России.

В подготовительных материалах к «Бесам» Достоевский вспоминает о книге Парфения в связи с неверием «Грановского» (С. Т. Верховенского) в Бога и «даром слезным», который сопутствует иноку, соболезнающему о его духовной болезни.

«Гр[ановски]й: „Я не верю, не верю!“ Ну да, известно: какой же муж верит? Да и самолюбие не позволяет, и тщеславие (ты фотографии снимаешь) <...> Ну, ты в слезах найдешь утешение. Читал я раз книгу инока Парфения о путешествии на Афон — что инок Николай имел дар слезный — ну вот ты и есть инок Николай, который имел дар слезный» (11, 76).

В «Сказании» Парфения этот эпизод описан следующим образом: «Потом представил трапезу, и пригласил своего ученика, схимонаха Николая. Сей пришедши поклонился духовнику и мне до самой земли. Я, смотря на него, стоял и умилялся: ибо весьма смирен и кроток, и весьма сух; очи наполнены слез; слово крот-

кое и тихое» (П. 2, 128). «Слезный дар» имели несколько героев повествования инока Парфения; фактически, вся книга пронизана интонацией плача, интонационной доминантой мироотношения повествователя и изображенных им иноков, таким образом выражающего свое сочувствие к бедственному состоянию человека, живущего в страшной горести и нужде от рождения до смерти. «Я просил у Архимандрита благословения сходить в пустыню к О. Иоанну. Он благословил... <...> Увидевши его, я вострепетал. Он украшен сединами, и весьма сух, очи наполнены слез... <...> говорил все со слезами, и без слез не мог ничего говорить, и был подобен изобильному кладезю, быстро чрез край точащему живую воду. И когда из очей изобильно текут слезы, из уст слаще меда исходят словеса его» (П. 1, 205—206).

Ту же тональность мы видим и в других трех частях книги. Появление этого знака («слез») обозначает факт понимания тем или иным лицом порочности и гибельности того пути, по которому идет ближний, это слезы любви и горести за другого, слезы сострадания. Таким образом, «ручьи слез», проливаемые и в горести, и в радости, — идеальное состояние монаха как существа духовно чуткого и страдающего; эта ситуация заставляет вспомнить о том, что Достоевскому в юности приписывали «сентиментализм», ошибочно принимая присущую Достоевскому и его героям особенную чуткость к чужому горю за следование в фарватере определенной литературно-эстетической традиции. Парфений поясняет: «за малая скорби и слезы получим от Господа Бога вечное блаженство... <...> В странствии моем много мне случалось видеть таких скорбящих, оставленных своими среди мира; со многими мне приводилось жить...» (П. 1, 260); «Цари не имеют такого покоя, какое упокоение приобрели себе отцы в пустыне; потому что их радование — Христос. <...> образуют перед собой болото и производят ручьи слезами своими» (П. 1, 257). Сострадание о себе или о ближнем, острое ощущение скорби, сожаление о ближнем, который пропадает в грехе и неведении, желание помочь ему и осознание, что помочь никак нельзя, все средства употреблены, но они не помогают, выливается в простой плач (П. 1, 3, 17, 23, 69, 73, 131, 159, 160, 164, 196, 199, 200, 205, 207), или наоборот, осознание верности того пути, по которому идет человек, это слезы радости, признак сильного одухотворения, молитвенного состояния на высшем градусе душевных и физических сил (П. 1, 26, 71, 86, 88, 89, 90, 92,

165, 174, 175, 181, 184, 185, 186, 194, 205—206, 214, 223, 224, 225, 226, 230—233, 245—246, 255, 257, 260, 266, 267, 278, 280—281, 289 и др.).²⁹

Эта специфическая религиозная и этическая чувствительность, тонкая настройка души повествователя «Сказания» на острые и осмысленные реакции на малейшие изменения в окружающем мире, ведущие либо к добру, либо ко злу, проявляются не только в сфере этики, но и в сфере эстетической. Достоевский не мог не заметить в книге Парфения постоянно переживаемый восторг от красоты окружающего мира, он видит красоту в самых простых и безыскусственных вещах. Герой «Сказания», на протяжении всего своего пути и несмотря на все его трудности и опасности, переживает радость от встречи с природой. Это вторая, после сострадания за ближнего, основная интонация в книге Парфения, разумеется, естественным образом связанная с первой. Прибыв в очередной монастырь, он замечает: «Здесь прекрасное и уединенное место, и безмолвное; окружено великими, прекрасными горами и лесами! А наипаче сия тихая и прекрасная пустыня, как она мне полюбилась! Кажется, я бы и не вышел из нея» (П. 1, 248). Монастырь Ворона: «Сей монастырь (...) окружен горами и великими лесами; стоит в тихом и прекрасном месте, между двух небольших речек; имеет множество лесов и хлебопахатной земли, и много разных садов и виноградников» (П. 1, 253).

Следует отметить, что в центре пейзажа у Парфения обычно находится ветвистое дерево, вызывающее восхищение своей красотой: «Пошли сады виноградные; между виноградом растут древа, которых мы еще от роду не видали, и много мы на них чудились, и стали догадываться и познавать, что это масличные и смоковые. Прежде мы полагали, что это башни или столбы стоят; а когда подошли, то увидели, что это древа; но не могли узнать, как называются, пока нам не сказали, что это прекрасные кипарисы» (П. 2, 63). Говоря о дереве, Парфений постоянно употребляет эпитет «прекрасный»: «И шли мы все с горы на гору: по обеим странам великие леса, больше сосновые и кедровые; попадались много деревьев прекрасного платану, но мы не знали, как называется, а только удивлялись его красоте и его прекрасному листвию» (П. 2, 80). Для повествователя «Сказания», как позже и для героя «Идиота», прекрасное дерево или лес является метафорой сакрального локу-

²⁹ См. также: 12, 336.

са, «места действия Бога», где человек оказывается ближе всего к Истине. «По сторонам трава зеленая, цветами покрытая; лес прекрасный, дубовый и лавровый, как нарочно насаженный, и частые садо́чки: виноградные, масличные и смоковичные, и воздух прохладный. И мы идем как в раю, радуемся и веселимся, и удивляемся красоте места» (П. 2, 82); «И шли лесом великим, каштановым и дубовым, так что сквозь их и в день солнца не видать; деревья толстые, потому что никогда не были срубаемы. И много мы удивлялись афонской непроходимой прекрасной пустыне» (П. 2, 109).³⁰

В романе Достоевского «Идиот» дерево часто выступает в той же функции храма Божьего. Ипполит, размышляя, что, вероятно, через несколько дней умрет, утешается тем, что «здесь в Павловске... хоть на дерево в листьях посмотришь» (8, 239). Гуляя по парку, Аделаида «заметила сейчас в парке одно дерево, чудесное старое дерево, развесистое, с длинными, искривленными сучьями, всё в молодой зелени, с дуплом и трещиной; она непременно, непременно положила срисовать его!» (8, 252). Князь Мышкин, объясняя, в чем состоит его «счастье», описывает «горы, кругом сосны, старые, большие, смолистые; вверху на скале старый замок средневековой, развалины; наша деревенька далеко внизу, чуть видна; солнце яркое, небо голубое, тишина страшная», за этим пейзажем, как для повествователя «Сказания», просматривается для князя Мышкина «разгадка» и «новая жизнь» (8, 51).

Другой важный знак поэтической системы Достоевского, в формировании которого со всей очевидностью сыграла роль книга Парфения, это «веселие сердца». Описывая Макара Ивановича, Достоевский указывает: «Прежде всего, привлекало в нем, как я уже и заметил выше, его чрезвычайное чистосердечие и отсутствие малейшего самолюбия; предчувствовалось почти безгрешное сердце. Было „веселие“ сердца, а потому и „благообразие“. Слово „веселие“ он очень любил и часто употреблял...» (13, 308). Следует отметить, что любил слово «веселие» и инок Парфений, употреблявший его именно в таком значении — радости жизни, далекой от эгоистического «наслаждения», переживания радости слияния твоего существа со всем мирозданием.

«И как нам было не радоваться и не веселиться? Увидали мы свою возлюбленную и превожделенную Матерь, Святую Собор-

³⁰ См. также: П. 2, 114, 163, 206, 207; П. 3, 62, 113, 122; П. 4, 53—54, 94, 104, 107, 142, 259, 276—277, 287 и др.

ную Апостольскую Христову Церковь» (П. 1, 62); «Господь Бог наш Своею милостью избавил нас от того заблуждения. О, как нам теперь не радоваться и не веселиться?» (П. 1, 65); «Когда отец Иоанн окончил молитву, тогда восстал уже сам от земли, без помощи Силуана, и сделался здоров. И в этот день много радовались и веселились...» (П. 1, 77).³¹

Книга Парфения относится к жанру «Сказания», сочетающему в себе эпическое разворачивание путешествия по экзотическим странам и одновременно погружение во внутренний мир главного героя — повествователя. В основе художественной телеологии Парфения лежит идея поиска человеком своего места на земле, где он мог бы обрести жизнь вечную, соответствующую планам на него со стороны породившего его мироздания. Отсюда напряженный поиск модели жизни, равно удаленной и от мирской суеты и от глупости бытовой жизни. Примерно в таком же направлении развивалась художественная интенция Достоевского в 1870-е годы, особенно это относится к последним двум романам, «Подростку» и «Братьям Карамазовым». Не случайно, что в рукописи «Подростка» появляется ситуэт молодого монаха с двумя крестами: на шее и в руках (илл. 3).

Прибыв на Афон, Парфений записывает: «...переплыл страстное море, и достиг тишайшего пристанища, сладчайшего безмолвия» (П. 2, 28). Переходя из монастыря в монастырь, Парфений искал решения проблемы, которая уничтожала шансы на спасение, его тревогой было то, что каждый заботится о себе, в том числе и в религии ищет личного блага, никакого единения людей не происходит. Переходя из монастыря в монастырь, выслушивая поучения очередного «старца», он ищет решения проблемы, некий путь для себя и всего человечества — как освободиться от эгоизма и обрести верный путь к Богу и к ближнему своему. В этом весь смысл его путешествия: «проживши шесть лет в общежительном русском монастыре, уже ничего нового не узнал, и последнее, что знал и слышал, живя на келье, то почти все позабыл, ибо там каждый только внимает своему спасению» (П. 4, 166). Нет никаких сомнений, что замысел «Жития Великого греш-

³¹ См. также: П. 1, 137, 150, 223, 224, 237, 255—256, 288, 292; П. 2, 14, 26, 49, 74, 75, 79, 82, 97, 119, 130, 140, 143, 144, 147, 148, 149, 151, 156, 168, 180; 3, 61, 65, 79, 99, 106, 107, 108—109, 113, 144; 4, 12, 22, 39, 121, 153, 270, 287.

ника» представляет собой реминисценцию сюжета «Сказания» инок Парфения. В своем письме от 24 марта (5 апреля) 1870 г. к Н. Н. Страхову, детально описывая свой замысел, Достоевский указывает на «превосходное знание русского монастыря» (29₁, 112), далее в письме к А. Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г. содержатся новые детали замысла: «Главный вопрос, который проведется во всех частях, — тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, — существование Божие. Герой в продолжение жизни то атеист, то верующий, то фанатик и сектатор, то опять атеист. 2-я повесть будет происходить в монастыре». (28₁, 117). В этом же письме также упоминается «инок Парфений».

Записки Парфения, равно как замысел Достоевского «Житие великого грешника», суть описание сопутствующих друг другу двух маршрутов: многокилометрового пешего перехода, проходящего по разным странам и разным географическим зонам, а также параллельно и одновременно происходящего движения на пути нравственно-религиозного совершенствования человека, который проходит курс обучения у нескольких старцев, переходя от одного монастыря к другому. Два пути — перемещение в пространстве и перемещение от нравственного несовершенства к высотам духовности — скрещиваются и сплетаются в одно целое, так как конечной точкой является Афон, географический и религиозно-философский пункт назначения в правильном перемещении человека по жизненному пути. Несомненно, что именно эту идею, перехода от одного учителя к другому, с одновременным перемещением от одного географического пункта к другому, который мы видим в идее «Жития великого грешника», Достоевский позаимствовал из «Сказания» инок Парфения.

В экземпляре, принадлежавшем Достоевскому, как указывает комментарий к «Подростку» в Полном собрании сочинений Достоевского, находится «рисунок писателя — готические своды (экземпляр хранится в библиотеке ИРЛИ)» (15, 564). Здесь мы имеем дело с творческой записью Достоевского, сделанной в прочитанной им книге с использованием четырех уровней его идеографического языка: «готики», «штриховки», «каллиграфии» и «орнамента». Этот рисунок указывает на длительность и напряженность творческого размышления Достоевского, который, видимо, обдумывал в этот момент детали сюжетного развития первых глав «Братьев Карамазовых». Об этом же свидетельствует и «каллиграфическая»

запись справа наверху страницы, а также «штриховка» и сетчатый орнамент под «каллиграфией».

Текст на странице 19 второй части, где находятся рисунки, содержит словосочетание, которое является лейтмотивом всех слов и действий главного героя-повествователя, смысловой доминантой всей книги Парфения: «поработать Господу Богу». Можно заметить, что именно с этой записи начинается вышеприведенный «конспект» «Сказаний» в шестой тетради Достоевского. Можно утверждать, что писатель в данном случае отнесся к раскрытой перед ним книге Пафения как к своей рабочей тетради, ведь только в своих тетрадях, во время обдумывания замысла очередного произведения, размышляя о его фабуле, он писал каллиграфически и изображал стрельчатые готические окна.³² Можно также заметить, что изображение, которое находится на л. 19 части 1 «Сказаний» (илл. 4) имеет черты сходства с идеографией, которую мы можем видеть в записях, сделанных Достоевским в период работы над «Братьями Карамазовыми» в 1878—1880 годах (например: ИРЛИ. 29444—29446). Готическая композиция на странице книги Парфения имеет очевидный поздний характер, когда он начал устанавливать готические арки на плоский подиум, более или менее характерно прорисованный; подобного типа готические композиции несколько раз встречаются в подготовительных материалах к роману «Братья Карамазовы» (Там же. № 43. Л. 2; № 40. Л. 1 об.; № 39. Л. 2 об.; № 28. Л. 1; № 9. Л. 2 об.; № 8. Л. 2 об.), в той же рукописи встречается штриховка (№ 42. Л. 1; № 40. Л. 1—1об.; № 26. Л. 1), наблюдается сходная по форме «каллиграфия» (№ 40. Л. 1 об.; № 25. Л. 2; № 22. Л. 2 об.). Кроме того, можно заметить, что ряд записей в этой рукописи сделан карандашом — так же, как и на с. 19 второй части «Сказаний» инок Парфения (Л. 2—2 об.; илл. 5).

Каллиграфическая запись «Г», «Губернатор» в правом верхнем углу, видимо, связана с эпизодом в главе «Лизавета Смердящая» (Т. 1. Ч. 1. Кн. 3) романа «Братья Карамазовы», где идет речь о конфузе, который приключился с губернатором. Он как-то случайно встретился на улице с Лизаветой, которая постоянно ходила «босая и в одной рубашке», и был тем самым «очень обижен был в своих лучших чувствах... <...> и хотя понял, что это „юрюдивая“,

³² См. об этом: Баршт К. А. Рисунки в рукописях Достоевского. СПб., 1996. С. 154—165.

как и доложили ему, но все-таки поставил на вид, что молодая девушка, скитающаяся в одной рубашке, нарушает благоприличие, а потому чтобы сего впредь не было» (14, 90).

Текст на странице, вызвавшей столь длительное раздумье Достоевского, как уже было отмечено, связан с разработкой «записок» старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы» (15, 564): «Я родом великороссиянин, из самой внутренней России, от какого рода, того тебе знать не нужно. От юности моей возлюбил я Господа моего Иисуса Христа. От юности усмотрел суету и непостоянство мира сего, краткость настоящей жизни и бесконечность будущей, и размыслил, что кто на сем свете послужит и поработает Господу Богу, тот спасет душу свою...» (П. 2, 19).

«Сказание» Парфения оказывало столь мощное влияние на формирование творческого стиля и сюжетику произведений Достоевского 1870-х годов, что он воспринимал его как неразрывную часть своей творческой лаборатории, этим можно объяснить то, что раскрытая книга Парфения заменила писателю привычную «записную тетрадь», и в процессе создания этого «рисунка-размышления» продолжался процесс творческий — создание романа «Братья Карамазовы».